

ОСОБЕННОСТИ ВРЕМЕННЫХ И ЗАЛОГОВЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА В НОВОСТНЫХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТАХ УКРАИНСКОЙ ПРЕССЫ

В статье внимание сосредоточено на функционировании временных глагольных форм и форм категории состояния в новостных текстах украинской русскоязычной прессы с учетом статистических данных; рассмотрены особенности их реализации с точки зрения прагматического потенциала.

Ключевые слова: русскоязычная украинская пресса, новостной текст, глагол, активное состояние, пассивное состояние, временная форма глагола.

У статті зосереджено увагу на функціонуванні часових дієслівних форм та форм категорії стану в новинних текстах української російськомовної преси з урахуванням статистичних даних; розглянуто особливості їх реалізації у новинній пресі з точки зору прагматичного потенціалу.

Ключові слова: російськомовна українська преса, новинний текст, дієслово, активний стан, пасивний стан, часова форма дієслова.

This article deals with the use of the tense and voice forms of the verb in Russian news texts in Ukraine with regard to the statistical data; it also overviews the peculiarities of their functioning in news texts in terms of their pragmatic potential.

Key words: Russian media in Ukraine, news text, verb, active voice, passive voice, category of tense.

Язык средств массовой информации представляет собой своеобразное функционально-стилевое образование, которому свойственны специфические лингвостилистические и структурно-семантические характеристики, его исследование является в данный момент чрезвычайно актуальным в лингвистике в связи с огромным влиянием СМИ на течение общественных процессов.

Новостные тексты как базовые тексты массовой информации, с одной стороны, представляют все главные особенности данной сферы речеупотребления, а с другой стороны, как один из функционально-жанровых типов медиатекстов обладают рядом специфических форматных и языковых признаков.

Языковые особенности новостных жанров СМИ исследовали Ю. С. Воротникова (2005), Ф. Т. Грозданов (2007), Т. Г. Добросклонская (2005), К. Д. Кирия (2007), Г. Л. Ковальчук (2008), М. А. Ковальчукова (2009), А. А. Негрышев (2009), Ю. В. Шемелина (2008) и др. Следует отметить, что все названные работы основываются на англоязычном материале, а также на примерах из российских СМИ, тогда как работ, анализирующих украинские русскоязычные медиатексты, практически не существует.

Наибольшее внимание среди всех языковых единиц, употребляющихся в СМИ, привлекает глагол, который, по словам В. В. Виноградова, является “самой сложной и емкой грамматической категорией русского языка, наиболее конструктивной по сравнению с другими категориями частей речи” [1: 337]. Объясняется это тем, что лексическая семантика глагола позволяет открыто выражать эмоциональное отношение.

В морфологическом плане глагол является единственной частью речи, которая представляет действие как процесс в грамматических формах лица, времени, наклонения, вида, залога (все эти категории имеют отношение к выражению процесса), а также числа и рода (в формах прошедшего времени единственного числа и в формах сослагательного наклонения единственного числа) [2: 580]. Следует подчеркнуть, что грамматические категории глагола “тесно связаны с важнейшими логическими категориями, отражающими в человеческом сознании реальную действительность, и играют важную роль в усилении действенности речи” [3: 3].

В синтаксическом плане роль данной языковой единицы в предложении является чрезвычайно важной: согласно вербоцентрической концепции, глагол, представляя собой ядро высказывания, содержит ситуацию в свёрнутом виде; таким образом, названная часть речи определяет структуру отдельного предложения, “потенциально несет в себе типовое предложение, реализуемое через актуализацию глальной валентности” [4: 49].

Особенности функционирования глагола в сфере массовой коммуникации исследовали Е. Ю. Дементьева (2004), Н. С. Джамбино-

ва (2007), И. О. Косова (2001), Н. И. Тропинина (1984), Г. Г. Хаблак (1984) и др., однако их работы не анализировали употребление глагольных форм в новостных русскоязычных текстах Украины. Также необходимо отметить, что до настоящего времени отсутствует системное описание функционирования данной лексико-грамматической единицы в языке украинских новостей, что определяет актуальность нашей работы.

Объектом исследования являются новостные газетные тексты русскоязычных СМИ Украины.

Предмет исследования — функционирование временных и залоговых глагольных форм в новостях русскоязычной украинской прессы.

Материалом избраны новостные тексты центральных и региональных украинских русскоязычных газет (издания “День”, “Голос Украины”, “Зеркало недели”, “Донецкие новости”, “Криминал-Экспресс”, “Итоги недели”, “Газета по-донецки”, “Газета по-киевски”, “Макеевский рабочий”, “События недели: итоги и факты”, “Донбасс православный”, “Комсомольская правда в Украине”, “Вечерняя Макеевка”).

Целью работы является определение особенностей функционирования временных и залоговых глагольных форм в текстах русскоязычной украинской прессы с точки зрения прагматического потенциала.

Категория времени глагола в русском языке выражает отношение действия к моменту речи. В одном из самых популярных учебников США по теле- и радиожурналистике, автором которого является М. Стивенс (“Производство новостей: телевидение, радио, Интернет” (2008)), отмечается, что настоящее время глагольных форм остается самым убедительным и иллюстративным для новостной информации (поскольку свидетельствует, что действие происходит в данный момент времени, это подчеркивает новизну события), однако авторы печатных медиатекстов для передачи определенной информации не могут воспользоваться этой категорией, поскольку от момента создания новостного материала до момента, когда с ним ознакомится потребитель медиапродукции, проходит определённый промежуток времени; в связи с этим прошедшее время глаголов является самой востребованной категорией в печатных СМИ [5]. Г. Г. Хаблак в исследовании языка российской прессы также говорит о том, что наиболее употребительной временной формой глагола в газете является прошедшее время совершенного вида [6: 41]

Выясним, какие из временных форм являются наиболее предпочтительными в новостях украинской прессы.

Проанализируем текст новостной заметки газеты “Голос Украины” (Голос Украины. — 2011. — 13 июля, № 125) “Медсестра из Енакиево награждена высшим международным знаком отличия”: *Медаль Флоренс Найтингейл получила медсестра из Енакиево Людмила Власова. Награда является высшим знаком отличия для медсестер... Людмила Власова, медсестра шахты имени Карла Маркса, была среди 26 горняков, оказавшихся во время аварии под землей в июне 2008 года. На глубине тысячи метров пострадавшие провели 33 часа. За это время медсестра ухаживала ... оказывала помощь другим братьям по несчастью, ободряла. И вот Международный комитет Красного Креста наградил енакиевскую героиню медалью Флоренс Найтингейл. Имя английской медсестры стало в мире символом милосердия. Награду присуждают раз в два года. С 1920 года ее получили 1340 выдающихся медсестер мира, из них — 40 украинцев, информирует наш собкор Лина Куш.*

Данный новостной текст содержит 9 глаголов прошедшего времени, тогда как настоящее время глагола представлено всего 4 формами, из которых страдательная форма глагола (награда *присуждается*), личный глагол в безличном значении (награду *присуждают*) и возвратный глагол настоящего времени (награда *является*) употреблены для обозначения тех действий, которые являются постоянно происходящими, отдельно стоит фраза *информирует собкор*, которая является стандартной конструкцией для новостных материалов.

Такое же преимущество глаголов прошедшего времени — в заметке “Мобильным грабителям дали пять лет” (Криминал-экспресс. — 2010. — № 28). В данном новостном тексте из 11 действительных спрягаемых глаголов 9 представляют собой формы прошедшего времени (*приезжали* словно на работу, *бил* по голове, ребятишек *нашли*, *оставили* без изменения, *не согласились* с вердиктом и т. д.), и только 1 — настоящее время (*сообщает* газета). Следующая новостная заметка — “Тимошенко допросили по делу ЕЭСУ Минобороны России: долг, безусловно, есть” (День. — 2011. — 20 окт., № 189) — использует 15 форм глагола прошедшего времени. События переданы как процесс, удаленный по времени от момента ознакомления читателя с печатным текстом (*заявил* в среду министр, *сказал* Сердюков, Сергей Власенко *заявил*, она *допрашивалась*, *сообщил* прокурор и т. д.), тогда как настоящее время глагола используется прежде всего в элементах-ссылках на источники информации (как *передает* УНИАН, об этом *сообщает*

РИА Новости), а также предложениях, которые являются цитатами (также он заявил, что адвокаты Тимошенко *затягивают* ознакомление с уголовными делами; “Мы уже несколько лет *пребываем* в судебном процессе... — сказал Сердюков”). В новостной заметке “В Славянском районе бомжи *сожгли* детский сад” (Донецкие новости. — 2010. — 16–22 сент., № 38) использовано 20 глаголов прошедшего времени, тогда как настоящее время представлено в статье один раз (“Спасатели сказали, что причина возгорания только *устанавливается*” для обозначения процесса, который не является завершённым во времени).

Исследователь О. М. Соколов подчеркивает, что “формы прошедшего времени в русском языке являются сильно информативными. Все они несут информацию о действии, которое произошло до процесса, реализуемого в настоящем, или до момента речи” [7: 146]. Таким образом, формы прошедшего времени, благодаря высокой степени информативности, реализуются для максимальной точности воссоздания прошедшего новостного события. В новостной заметке “Милиционер застрелил водителя” (Итоги недели. — 2010. — 6–12 окт., № 40) из 34 глагольных единиц 24 составляют глаголы прошедшего времени. В описании чрезвычайного происшествия, которое произошло в Шевченковском райотделе, употреблены глаголы, воспроизводящие случившуюся трагедию: *остановился, развернулся, напал, гнал, привлекался, не успели...* и т. д., которые благодаря высокой информативности помогают воссоздать события того дня, тогда как глаголы настоящего времени (3 единицы) употреблены в ссылке на источник информации, словосочетании для введения цитаты (“...*говорит* Хабайло...”, “...*пишет* “Сегодня”), (“...сейчас ... *идет* служебная проверка...”).

В исследованиях англоязычной публицистики бытует мнение, что газеты избегают настоящего времени [5: 44]. Действительно, примеры с преобладающим настоящим временем глаголов для новостных украинских русскоязычных текстов типичными не являются. Например, в заметке “Выручили спасатели и внимательная соседка” (Вечерняя Макеевка. — 2011. — 17 июня, № 63) из 13 действительных глаголов нет ни одного в форме настоящего времени. Однако следует отметить, что существуют примеры новостных текстов, в которых настоящее время преобладает над рядом прочих форм глагола. Например, заметка “Всемирный конгресс украинцев встревожен ситуацией в Одессе” (Голос Украины. — 2011. — 26 июля, № 134) содержит 10 форм глаголов настоящего времени (*конгресс украинцев призывает*,

решение *свидетельствует*, ВКУ *обращает* внимание и т. д.), для сравнения — прошедшее время представлено в данном тексте 2 единицами (конгресс *обратился*, решение *стало* продолжением), глаголы будущего времени в заметке не использованы.

В среднем глаголов настоящего времени в текстах новостей в два раза меньше, чем глаголов в форме прошедшего времени. Анализ 30 новостных текстов методом случайной выборки показывает, что количество глаголов прошедшего времени в новостях русскоязычных украинских СМИ составляет 46 %, настоящего времени — 24 %, будущего времени — 7 %. Следует отметить также, что глаголы будущего времени для новостей прессы не являются характерными, однако используются в текстах, ориентированных на будущие события, например, заметка “Город получит два новых парка” (Комсомольская правда. — 2010. — 15 июля) содержит 7 глаголов будущего времени, что составляет 24 % от общего количества глаголов в заметке.

Настоящее время глагольных форм в новостных текстах реализуется прежде всего в ссылках на источник информации, во фразах для введения цитат (как *сообщает* “РепортерUA”, *отмечает* депутат, *рассказывает* очевидец, *считает* директор), а также для обозначения процесса, который долго (постоянно) продолжается во времени (“Прокуратура... возбудила ...дело...по по ч.2 ст.368..., которая *предусматривает* наказание...” (Донецкие новости. — 2010. — 28 окт.—3 нояб., № 44).

Чрезвычайно интересной и актуальной также представляется проблема использования новостными русскоязычными текстами украинских СМИ пассивных глагольных форм и конструкций, поскольку внимание этому вопросу уделялось до данного времени лишь на примерах англоязычного материала, а также в связи с существованием различных, практически противоположных, мнений на этот счет у исследователей новостей. Например, Т. Г. Добросклонская одним из важнейших признаков новостного англоязычного текста называет широкую распространенность пассивных глагольных форм и безличных конструкций, что объясняется стремлением новостей к наиболее объективной подаче информации, а также намеренным дистанцированием производителя новостного текста от его получателя [8]. В то же время исследователь О. Ф. Кравченко отмечает, что если в русских публицистических текстах свойства пассивного залога способствуют его частому применению, то в английских текстах наблюдается прямо противоположная ситуация, а также подчеркивает, что английские стилисты советуют заменять, где это представляется возможным,

пассивные обороты на активные [9]. Показательно, что американский писатель и журналист Р. П. Кларк в известной работе “50 приемов письма” (2006) также указывает на то, что “новостники ищут простые активные глаголы”, тогда как “коррупцированные деятели используют пассивный залог, чтобы завуалировать правду и похоронить ответственность за собственные поступки” [10], и советует для большей эффективности написанного материала заменять пассивные глаголы на активные, если это позволяет информативность события.

Понятие пассивных глагольных форм связано с категориями действительного и страдательного залога. “Залог — это категория, образуемая противопоставлением таких рядов морфологических форм, значения которых отличаются друг от друга разным представлением одного и того же соотношения между семантическим субъектом, действием и семантическим объектом. Различия заключаются в разной направленности глагольного признака по отношению к его носителю, выраженному подлежащим, что достигается специальными конструкциями актива и пассива” [2: 611].

При действительном залоге в конструкции предложения субъект производит действие над объектом: “...адвокаты Тимошенко **затягивают** ознакомление с уголовными делами” (День. — 2011. — 20 авг., № 189). При страдательном залоге объект подвергается действию со стороны субъекта: “Награда ... **присуждается** за служение в горячих точках...” (Голос Украины. — 2011. — 13 июля, № 125). Страдательный залог в лингвистической литературе обычно употребляется как синоним пассива.

Глагольные формы в конструкциях страдательного залога различны. Например, у глаголов совершенного вида значение страдательности может выражаться при помощи страдательных причастий прошедшего времени: “Всемирный конгресс украинцев **встревожен** ситуацией в Одессе” (Голос Украины. — 2011. — 26 июля, № 134).

Глаголы несовершенного вида в страдательном залоге передают значение пассивности следующими способами:

а) с помощью постфикса -ся, который присоединяется к спрягаемой форме глагола: “...из различных сфер общественной жизни Одессы **вытесняется** украинский язык...” (Голос Украины. — 2011. — 26 июля, № 134). Такая форма выражения страдательного значения в современном русском языке является обычным, нормативным явлением;

б) с помощью страдательных причастий (подобные формы имеют яркий характер книжности и употребляются очень редко).

В публицистике страдательный залог может быть представлен не трехчленными, а двучленными конструкциями, в которых отсутствует слово в творительном падеже, указывающее на логический субъект. Например, “Спасатели сказали, что *причина* возгорания только *устанавливается*” (Донецкие новости. — 2011. — 16–22 сент., № 38). В таких оборотах ядро информации сосредоточено в глагольном слове, а лексема, называющая субъект действия, опущена, поскольку заключенная в нем информация несущественна, а контекст или ситуация ясно показывают, кто (или что) является производителем действия. Двучленная конструкция страдательного залога может употребляться и тогда, когда в действительном залоге ему соответствует неопределенно-личное или обобщенно-личное предложение. О. Ф. Кравченко отмечает, что действие в страдательных оборотах представляется как бы происходящим по воле всех, а не отдельного человека, это придает им оттенок обязательности и авторитетности [9].

Анализ новостных текстов русскоязычной прессы Украины показывает, что широкое употребление пассивных глагольных конструкций, свойственное англоязычным текстам, для отечественных СМИ не является характерным признаком новостей, поскольку в украинской прессе содержится достаточное количество новостных заметок, абсолютно не содержащих страдательные обороты (например, заметка “Дело Брейвика сделали публичным” (Голос Украины. — 2011. — 26 июля, № 134), которая сообщает о слушаниях по делу подозреваемого в совершении двойного теракта Андерса Брейвика).

С другой стороны, в небольшой по объему новостной заметке “Дорогу молодым: Олег Сытько стал заместителем мэра” (Макеевский рабочий. — 2011. — 1 июля, № 70) содержатся 4 конструкции пассивного залога:

*Сегодня бывший председатель Центрально-городской райадминистрации Макеевки Олег Сытько начал свой рабочий день в новом кабинете. Вчера решением внеочередной сессии городского совета Олег Валерьевич **был утвержден** в должности заместителя городского головы и уже приступил к выполнению новых задач. Пока круг вопросов, которые будет курировать новый заместитель мэра, четко **не обозначен**. **Это решится** во время ближайшего заседания исполкома... Отметим, что Олег Валерьевич стал самым молодым заместителем городского головы Макеевки. Информация о том, кто же теперь возглавит Центрально-городскую райадминистрацию пока **не разглашается**.*

Отметим, что чаще всего в новостных текстах, по нашим наблюдениям, используется двучленная конструкция пассива, которая позволяет автору текста намеренно уклониться от более конкретных сведений по какому-либо вопросу (*информация не разглашается, круг вопросов не обозначен*), а также создать впечатление объективности поданного материала.

В результате анализа новостных сообщений в прессе методом случайной выборки оказалось, что в среднем тексты новостей украинских русскоязычных СМИ могут содержать 14,5 % пассивных форм глаголов, тогда как активные глаголы и формы глагола *быть* составляют 85,4 % в общем количестве глагольных форм, то есть глаголы страдательного залога употребляются в газетах в 5,8 раза меньше, чем действительные. Интересно, что в лингвостатистическом исследовании словоформ глагола, осуществленном на материале английских и американских публицистических текстов, Л. А. Турыгина приводит практически идентичные показатели: “глаголы страдательного залога употребляются в 5,5 раза меньше, чем действительные” [6: 41].

Среди видов пассивных конструкций, употребляемых в новостных текстах украинской русскоязычной прессы, используются:

1) пассивные формы, образованные с помощью постфикса *-ся*, который присоединяется к спрягаемой форме глагола:

“Причины аварии *выясняются*” (Макеевский рабочий. — 2011. — 24 июня);

“...*говорится* в сообщении Министерства финансов Украины...” (События недели: итоги и факты. — 2011. — 20 сент., № 16);

“...*совершается* общественная и личная молитва...” (Донбасс православный. — 2011. — № 8);

2) пассивные формы, образованные при помощи страдательных причастий прошедшего времени (обычно они реализуются как двучленные конструкции):

“Сейчас по делу *назначены* экспертизы...” (Итоги недели. — 2011. — 6–12 окт., № 40); “Все рейсы постоянно *перегружены*” (Газета по-киевски. — 2008. — 31 янв., № 23); “Часть ветхого частного сектора *будет перенесена*” (Комсомольская правда. — 2010. — 15 июля); “За годы украинской независимости *открыты* пять пунктов пропуска...” (Голос Украины. — 2011. — 22 июля, № 132); “К поисково-спасательным работам *привлечены* 11 отделений государственной военизированной горноспасательной службы...” (Зеркало недели. — 2011. — 29 июля).

Таким образом, на основе проведенного анализа можно сделать следующие выводы: количество пассивных конструкций в новостных русскоязычных украинских СМИ составляет примерно 14 %, тогда как активные глаголы и формы глагола *быть* — 85,4 %; чаще всего в новостях используют двучленные пассивные конструкции, которые подчеркивают объективность передаваемого материала, а также помогают автору медиатекста намеренно устранить от предоставления более конкретной информации; для новостных печатных текстов украинских русскоязычных СМИ характерно прошедшее (46 %) и настоящее (24 %) время спрягаемых глаголов, тогда как формы глаголов будущего времени (7 %), прогнозирующие события, в новостных текстах являются нечастотными; преобладающие в количественном отношении формы прошедшего времени благодаря высокой степени информативности помогают наиболее полно и точно воссоздать информацию о произошедшем событии.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Виноградов В. В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. — 2-е изд. — М.: Высш. шк., 1972. — 614 с.
2. Русская грамматика: В 2 т. / ред. кол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др. — М.: Наука. — 1980. — Т.1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. — 783 с.
3. Дементьева Е. Ю. Глагол в рекламном тексте. [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: (10.02.01) / Е. Ю. Дементьева. — Воронеж, 2004. — 16 с.
4. Ванюгина М. С. Приставочные глаголы движения в свете теории валентности / М. С. Ванюгина // Вестник Челябинского гос. ун-та. — 2010. — № 4. — С. 48–52.
5. Стівенс М. Виробництво новин: телебачення, радіо, Інтернет / М. Стівенс; Пер. з англ. Н. Єгоровець. — К.: Києво-Могилянська академія. — 2008. — 407 с.
6. Хаблак Г. Г. Язык газеты / Г. Г. Хаблак // Вестник МГУ. Сер. 10: Журналистика. — 1984. — № 5. — С. 33–41.
7. Соколов О. М. Имплицитная морфология русского языка: монография / О. М. Соколов. — Нежин: Гидромакс, 2010. — 184 с.
8. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь / Т. Г. Добросклонская. — М.: Флинта; Наука, 2008. — 264 с.
9. Кравченко О. Ф. Особенности перевода публицистического текста // Университетские чтения — 2010: материалы научно-методических чтений ПГЛУ. Часть XI. — Пятигорск: ПГЛУ, 2010 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.pglu.ru/lib/publications/University_Reading/2009/IV/uch_2009_IV_0045.pdf
10. Кларк Р. П. 50 приемов письма / Р. П. Кларк; пер. Ю. Купер // 50 Essential Strategies for Every Writer — Little: Brown and Company. — 2006 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/259930>